

Ольга ФУКС
Фотографии предоставлены пресс-службой Чеховского фестиваля

«887» — САМЫЙ ЛИЧНЫЙ СПЕКТАКЛЬ РОБЕРА ЛЕПАЖА. В ЭТОМ РЕЖИССЁР ПРИЗНАЛСЯ НАКАНУНЕ СВОЕГО ПОКАЗА В МОСКВЕ НА ЧЕХОВСКОМ ФЕСТИВАЛЕ. И ТУТ ЖЕ ПРИБАВИЛ, ЧТО И ПРИСОЧИНИЛ НЕМАЛО, СОСЛАВИШИСЬ НА СЛОВА ПИКАССО О ТОМ, ЧТО ИСКУССТВО — ЛОЖЬ, КОТОРАЯ ПОМОГАЕТ ЛУЧШЕ РАССКАЗАТЬ О СЕБЕ.

Дворец памяти

887 – номер дома по авеню Мюррей в Квебеке, где Робер Лепаж провёл детство. Камера со спутника показывает нам Землю со стороны Канады и стремительно приближает изображение – так, что чувствуешь себя катапультированным стратонавтом. Камера зависает над аккуратно расчерченным кварталом с небольшими домами. Эти сумасшедшие выражи от вселенского к игрушечному и обратно, от кухонного до площадного, от личной истории до Истории всеобщей создают энергетическое поле Лепаж, сотканное из напряжения и нежности.

Лепаж выходит на авансцену, просит отключить мобильные телефоны, вертит в руках свой, сетует, что не помнит номер этого гаджета, благодаря которому ему ничего не надо помнить – достаточно нажать заветную кнопку. Зато помнит номер своего домашнего телефона из детства, хотя по этому номеру уже нельзя позвонить. Память – одно из самых причудливых свойств человека – становится главной темой спектакля, который... позвольте, а ведь спектакль уже идёт. Откуда ни возьмись возникает игрушечный домик на несколько семей, равный по высоте росту самого Лепаж. Он указывает на квартирны-ящички, рассказывает про своих нелепых и смешных соседей, и свет в комнатках зажигается, по ним ходят человечки: детские воспоминания

режиссёра точно дарят им вторую жизнь. С поворотом круга меняется оптика, и мы оказываемся у Лепаж на кухне в натуральную величину – в его сегодняшнем дне. Но знаем, что всегда можем завернуть за угол – к кукольным масштабам и прозрениям памяти, которая структурирует саму жизнь. Именно память, как скульптор, отсекает всё лишнее от бесформенной жизни, оставляя суть. Или сочиняя её.

Евгений Миронов, принимая дорогого гостя в Театре Наций, вспомнил, как много лет назад во время первой встречи они бол-

тали про отцов: оказалось, что у обоих отцы – шофёры. Только старший Лепаж был таксистом (а заодно и немножко экскурсоводом по Квебеку для англоязычных приезжих – во время службы в армии получил английский), а старший Миронов развозил хлеб. Лепаж-отец – один из главных героев в пространстве памяти Робера Лепаж: высоченный офицер, моряк, герой в какой-то неведомой мальчику прошлой жизни. А в новой жизни – таксист, который почти не вылезает из-за баранки, чтобы прокормить семью с четырьмя детьми

и мать с болезнью Альцгеймера, перевезённую в маленькую квартирну дома номер 887, он поклялся, что никогда не сдаст её в богадельню. К домику 887 подъезжает в ночи игрушечная машинка – его такси. Квартирка, которая казалась огромной мальчику Роберу, на самом деле была совсем маленькой, и приезд бабушки заставил домочадцев изрядно поломать голову, чтобы разместить всех. В итоге Робер оказывается в одной комнате с сёстрами («Не самое подходящее место для растущего мальчика, не так ли?» – грустно

улыбается автор). Технологически совершенный спектакль вдруг взламывается самым простым теневым театром: за занавеской мальчик с девочкой дерутся подушками, занавеска отдёргивается – и рядом с «мальчиком» никого нет.

Путешествуя по закоулкам памяти, Лепаж ведёт нас к памятной дате – в 2010 году его пригласили выступить на сорокалетии Ночи поэзии в Монреале. Это, казалось бы, скромное событие дало огромный толчок к развитию франкоязычной поэзии Квебека – а значит, к реваншу французского языка и французской идентичности. Лепажу досталось программное стихотворение Мишель Лалонд «Speak white». «Говори, как белый», – требовали американские колонизаторы от чёрных рабов и индейцев, англоговорящие канадцы от франкоговорящих, хозяева жизни от париев. Робер Лепаж помнит, как был среди тех, кому адресовано это требование – speak white. Ему, сыну шофёра, успешно сдавшему экзамен, было отказано в праве учиться в школе – директор не поверил в платёжеспособность отца. Он помнит и ту свою детскую обиду, и взрослое недоумение, когда его, всемирно известного ре-

жиссёра, приглашают в актёрскую школу, где он когда-то учился бесплатно. Директор гордится своими учениками: их дикция теперь значительно лучше (существенно ближе к призыву «говорить по-белому») – они ведь из платёжеспособных семей. Других, собственно, теперь не держат.

Лирический герой Лепаж не может выучить стихотворение «Speak white» – оно не ложится ему на язык, бесит своей нелогичностью (почему именно в таком порядке расположены титаны английского языка – Байрон, Мильтон, Шелли, Кейтс? почему именно они?) и своим пафосом, берedit его собственные раны. Ему советуют воспользоваться методикой Дворца памяти, когда необходимую информацию надо точно разместить в залах и закоулках известного тебе дворца (или, за неимением дворца, дома номер 887). Герой Лепаж мысленно совмещает схему головного мозга с чертежом дома 887 и уморительно фантазирует, как разбрелись бы по квартирам соседей его мысли. Этот метод посоветовал ему сокурсник Фред, давно разжалованный за наркотики из телеведущего в сотрудника радио, который составляет некрологи на смерть известных людей – про запас,

чтобы в нужную минуту текст был под рукой. Герой Лепаж хочет обогнать чужую память о себе – узнать, как помянут его.

«887» устроен как матрёшка: в одном сюжете таится другой, в другом третий, в третьем четвёртый. Или как джазовая композиция: в жёсткой решётке темы царит полная свобода импровизаций. Или по законам поэзии, где рифмуются самые неожиданные вещи. Полушария мозга с левыми и правыми в политике. Болезнь Альцгеймера с девизом квебекцев на номерных знаках машин («Я помню», хотя никто не может объяснить, что это значит). Взрыв памятника королеве Виктории и «тихая революция» Квебека. Визит английской королевы Елизаветы, от которой отвернулась франкоговорящая Канада, и визит Шарля де Голля, чья пламенная речь подлила масла в огонь «небелых» (ловкий трюк видеосъёмки с игрушками даёт ощущение реальных кадров: игрушечная машинка с куколкой (де Голлем) мчится вдоль игрушечной толпы и вдруг даёт задний ход, медленно пятясь обратно в прошлое – и безликая толпа обретает лица). Мифический Дворец памяти и настоящий маленький дом 887. Злосчастная поэма, которую он всё же выучит, и коллективный франкофон вдруг возьмёт верх над ироничным сыном таксиста, – и собственная поэзия, которая появляется из самой обыденной прозы.

Рождение новой французской Канады (сообщения о новых столкновениях) рифмуется со смертью бабушки, потерявшей память (её всё-таки отдали в больницу). Узнав о потере, отец уходит, не сказав ни слова. Надевает шофёрскую фуражку, садится за баранку, включает фары, но тронуться не может. Тихо плачет – отец ли по бабушке, Лепаж ли по отцу, любой ли живущий по тому, кто остался в пространстве памяти...

Робер Лепаж

Маленькие истории лучше рассказывают мне о большой Истории. Почему мы, канадцы, любим русское кино? Оно позволяет нам лучше раскрыть неведомых для нас русских, а потом и раскрыть себя.

Мой самый любимый композитор – Стравинский. Самый смелый, свободный, до сих пор современный. Это настоящий дьявол, а в театре очень важно присутствие дьявола. Я был бы рад показать в России своего «Соловья» на музыку Стравинского.

Детство и память о детстве – не одно и то же. Память многое стирает и в детстве, а с другой стороны, находит какие-то вещи и события, что, кажется, они происходили на самом деле. Память имеет свойство придумывать.

На номерных знаках машин в Канаде есть название провинции и её девиз. В Квебеке написано – «Я помню». Хотя никто уже не помнит, откуда этот девиз.

Квебек раньше был под началом Франции, потом Англии. Четверть говорила по-французски, три четверти по-английски. «Ты разговариваешь на языке Мольера или Расина», – говорили «французам», а «англичанам» то же самое про язык Шекспира. А в 1960-е решили «убить» Мольера – решили, что нужны новые, свои авторы. И потому сегодня мы можем похвастаться современной франкоязычной драматургией Канады, более мощной, чем англоязычная.

Сейчас между англоязычными и франкоязычными канадцами равенство. Но в 1960-е годы было не так. Франкоязычные принадлежали к низшему сословию, они составляли класс рабочих, а англоязычные были боссами.

Язык определяет сознание. Язык определяет нацию. Вот почему так важно учить другие языки – ты понимаешь другого и сам становишься другим. Я делаюсь другим, когда говорю по-английски или по-итальянски. Чувствую себя немножко шизофреником, в котором уживаются разные личности. Интересно, каким бы я был, если бы говорил по-русски?

Olga FOUX

Photos courtesy of the press service of
Chekhov International Theatre Festival

“887” IS ROBERT LEPAGE’S MOST PERSONAL PRODUCTION. THE DIRECTOR ADMITTED AS MUCH ON THE EVE OF ITS PREMIERE IN MOSCOW AT THE CHEKHOV FESTIVAL. AND HE IMMEDIATELY ADDED THAT HE ALSO PREVARICATED QUITE A BIT, REFERRING TO PICASSO’S WORDS ABOUT ART BEING A LIE THAT TELLS THE TRUTH.

The Memory Palace

887 is a number of a house on Murray Avenue in Quebec, where Lepage spent his childhood. A satellite camera shows us the Earth from the Canadian side and rapidly zooms in so you feel like a stratosphere flier catapulting down toward the Earth. The camera hovers over a perfectly lined city block with small houses. It is those insane shifts from cosmic to toy scale and back again, from kitchen to public square, from personal history to universal History that make up Lepage's energy field, sewn together with tension and tenderness.

Lepage walks out onto the proscenium, asks the audience to turn off their phones, turns his own phone over in his hands, laments the fact that he doesn't remember the number for this gadget that made it possible for him not to have to remember anything – all he needs to do is press the little sacred button. And yet he remembers the number of his home phone from his childhood, even though it's no longer possible to call it. Memory – one of man's most whimsical qualities – becomes the main theme of the performance that... wait a minute, the performance has already begun. Out of nowhere appears a toy house for multiple families that is as tall as Lepage himself. He points to the little drawer-sized apartments, talks about his awkward and funny neighbors, and the light in the little rooms turns on, little humans start walking around in there: the director's childhood memories seem to give them a new lease on life. As the circle turns, the optics change, and we find ourselves in Lepage's life-size kitchen – a kitchen of his today. But we know that we can always turn a corner toward the toy-scale and the insights of memory that structures life itself. And it is memory that,

like a sculptor, cuts away all the superfluous from the shapeless life, leaving behind only its essence. Or creating it.

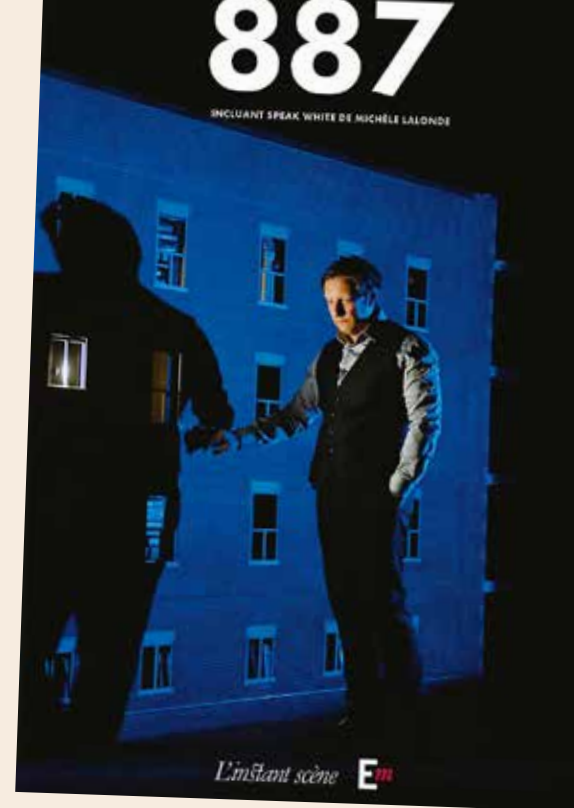
When Yevgeny Mironov was hosting the distinguished guest at the Theatre of Nations, he recalled how many years ago during their first meeting they chatted about their fathers: it turned out that both of their fathers were drivers. Only Lepage the elder was a taxicab driver (as well as something of a tour guide in Quebec for English-speaking visitors – he learned English while serving in the army), while the elder Mironov delivered bread. Lepage the father is one of the main characters in Robert Lepage's memory space: an incredibly tall officer, a sailor, a hero in some past life that the boy finds unfathomable. And in the new life he's a taxicab driver, who virtually never leaves the wheel in order to feed a family with four children and a mother suffering from Alzheimer's, whom he moved into the small apartment in house number 887 and swore he would never put in a hospice. A toy car drives up to house number 887 at night – it's his taxi. The small apartment that seemed giant to young Robert was, in reality, very tiny, and grandmother's arrival forced the household members to rack their brains in trying to figure out how to get everyone settled. In the end, Robert ends up sharing a room with his sisters ("Not the most ideal place for a growing boy, is it?" the author smiles sadly). This technologically advanced production is suddenly broken by the basic shadow theatre: a boy and a girl are having a pillow fight behind the curtain, the curtain is yanked aside – and there is no one there with the "boy".

In taking a trip down memory lane, Lepage leads us to a memorable date – in 2010 he was invited to perform at the fortieth anniversary of Poetry Night in Montreal. That

seemingly low-key event gave a tremendous boost to the development of Quebec's Francophone poetry – and consequently to the return of French language and French identity. Lepage was given Michel Lalond's program-scheduled poem "Speak White". "Speak white," American colonizers demanded of black slaves and Indians, English-speaking Canadians of French-speaking ones, those who are masters of life of those who are pariahs. Robert Lepage remembers being among those to whom this demand was made – speak white. A driver's son who successfully passed his exams, he was refused the right to study in school – the principal didn't believe his father was financially reliable. He remembers both his childhood resentment and his adult bewilderment when he, a world-famous director, was invited to the acting school where he once studied for free. The principal is proud of his students: their enunciation is much better now (a lot closer to the appeal to "speak white") – they are from credit-worthy families, after all. In fact, the school really has no other kind.

Lepage's narrator is unable to learn the poem "Speak White" by heart – it simply won't roll off his tongue, it infuriates him with its lack of logic (why are the titans of English language listed in that particular order – Byron, Milton, Shelley, Keats? Why them?) and its grandiloquence, reopens his own wounds. He is advised to use the Memory Palace technique, whereby essential information must be distributed equally within the halls and nooks of a palace one is familiar with (or house number 887, if one does not have a palace available). Lepage's protagonist combines in his mind's eye the diagram of his brain with the blueprints of house 887 and fantasizes in a hilarious fashion about his thoughts scattering about in the neighbors' apartments. This technique was suggested to him by a fellow student named Fred, who had long since been demoted for drug use from an anchorman to a radio employee that composes obituaries for famous people – for future use, so that he would have the required text on hand at the right moment. Lepage's protagonist wants to get ahead of another's memory of him – to find out how he would be remembered.

"887" is set up like a nesting doll: one plot hides within it another, that second one conceals the third, the third one contains the fourth. Or like a jazz composition: within the rigid bars of the music theme

reigns complete freedom of improvisation. Or based on the laws of poetry, where rhyme is found for the most unusual things. Cerebral hemispheres with the left and the right in politics. Alzheimer's disease with Quebec's motto on license plates ("Je me souviens" ("I remember"), even though nobody can explain what it means). The explosion of Queen Victoria's statue and Quebec's "Quiet Revolution". The visit of England's Queen Elizabeth whom the Francophone Canada turned its back on, and the visit of Charles de Gaulle, whose fiery speech added fuel to the fire of the "non-whites" (a clever camera trick with toys gives one the impression of real life shots: a toy car with a doll (de Gaulle) is racing past a toy crowd and suddenly starts going in reverse, slowly backing up into the past – and the faceless crowd gains faces). The mythical Memory Palace and the real small house number 887. That miserable poem that he will eventually learn, and the collective Francophone that will win out over the caustic son of a taxicab driver, and his own poetry that comes from the most mundane prose.

The birth of the new French Canada (reports about new clashes) is rhymed with the death of the grandmother who lost her memory (she was placed in a hospital after all). When the father finds out about her death, he leaves without a word. Puts on his cab driver hat, gets behind the wheel, turns on the lights, but can't take off. Just sits there and cries quietly – his dad crying over his grandmother, or Lepage crying over his dad, or anyone living crying over those left in the space of memory...